

«Даже то, что снимает камера в супермаркете, можно назвать документалистикой»

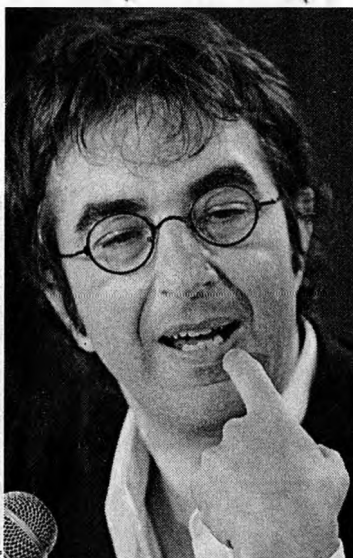
Коммерсант 7 - 2006 - 6 мая - С. 8

На фестивале *Visions du Reel* режиссер АТОМ АГОЯН рассказал МАЙЕ СТРАВИНСКОЙ о своем новом фильме и о том, что его настораживает в феномене видеоблогов.

— Один из последних ваших фильмов, «Арарат», посвящен вашим национальным корням, в «Цитадели» вы рассказываете сыну о родном городе его матери Бейруте. Рассматриваете ли вы эти работы в паре как семейный архив?

— Да, это так. Вопрос национальной самоидентификации сейчас вообще стоит остро, и для нашей семьи он очень важен. Я вообще воспринимаю эти два фильма как своеобразные капсулы времени. А о чем еще стоит рассказывать, если не о своих корнях? В «Арарате» была идея показать четыре поколения после геноцида и то, как они реагировали на эти страшные события. Этот фильм не то чтобы рассказывал о геноциде, а был сконструирован вокруг него. И это очень личный фильм для меня. В «Цитадели» я не так вовлечен в повествование, это не моя культура, не мои события — я аутсайдер, поэтому я вижу это достаточно чисто. Моя жена пришла из этого мира, но я все равно смотрю на это взглядом постороннего, взглядом документалиста. Работая над этим фильмом, мы с Арсины не раз задумывались, какая на нас ложится ответственность, если мы становимся проводниками между реальностью и зрителем. Поэтому вопросы «кто снимает и почему, и почему именно это?» в этом фильме самые интимные и важные.

— Почему в таком случае в фильмах сделан акцент на столь трагических событиях, как геноцид армян и гражданская война в Ливане?

— Потому что именно эти события повлияли на целые поколения, именно из-за этого ужаса люди покидали свою родину. И ведь практически нет фильмов, посвященных этим событиям. Не понятно, куда смотрели кинокамеры, когда на улицах Бейрута тысячами умирали люди, а в Турции уничтожали армян. И именно поэтому я сделал из хроники семейного путешествия целый фильм.

— Вы снимали на обыкновенную маленькую цифровую камеру. И в фильме вновь обращаетесь к теме демонической власти видеообраза над реальностью. Как вы думаете, к чему приведет то, что создание видеообразов доступно каждому?

— Когда я только начинал интересоваться кино и учился снимать, мечтал получить шестимиллиметровую камеру, потом я мечтал о звуке, потом хотел снять на 35 мм, чтобы мою работу можно было показать зрителям. Мой творческий рост шел параллельно с техническим прогрессом в этой области. Сейчас молодой человек покупает в соседнем мага-

зине камеру и может снимать кино, но при этом он не имеет такого своеобразного визуального воспитания. Нет ощущения, что image — это привилегия, процесс потерял сакральность. А это очень важно. Но с другой стороны, то, что каждый может высказаться и в той или иной форме преподнести свой опыт, — это хорошо. Это как блог-революция, которая происходит сейчас.

— Но вывешенные в интернете блоги-дневники, как свидетельства ежедневной жизни, размывают само понятие документалистики.

— Не думаю, мне кажется это естественно, что люди снимают. Мы все желаем быть услышанными, блог, видеоблог, фильм — это способ высказаться. В этом есть, с одной стороны, огромная радость от того, что твоя будничная жизнь фиксируется и становится уникальной, с другой — разочарование, потому что ты вдруг видишь, что появились миллионы таких же видеожизней. И единственный вопрос, который возникает у современного человека, — это не вопрос создания, а вопрос дистрибуции.

— Но нельзя же приравнивать видеоблог к документальному кино? Что для вас тогда документалистика?

— Нет, ну, конечно, нельзя. Хотя вообще этот вопрос меня настораживает. Документалистика — это то, что исследует... Да, это очень размыто. Единственное, что держит документалистику, на мой взгляд, это драма. В принципе все можно рассматривать как текст и во всем можно увидеть документ, свидетельство. Понимаете, даже то, что снимает камера в супермаркете, — это можно было бы назвать документалистикой. Но для меня определяющий фактор — это прежде всего драма.